Социальный состав черноморского казачества

Прочее

Свои представления о социальной природе черноморского казачества Ф. А. Щербина основывал на реакционной народнической «теории прогресса». Он писал: «Центр тяжести этого исторического движения (которое привело к образованию казачества — В.Г.) крылся в творчестве народа, как выражалось оно в его руководящих идеях». Эта идея привела к образованию запорожского казачества, социальный строй которого точно соответствовал народным идеалам. Характеризуя Запорожье, Щербина пишет: «У запорожцев не было никаких классовых делений по роду деятельности, не существовало ни цехов, ни подразделений в правах на занятия, кто чем хотел, тем и занимался».Применяя эти реакционные воззрения при изучении Черноморского войска, Щербина неизбежно пришел к следующему выводу: «В Черномории, с самого начала ее существования, не было ни господствовавшего товариства, ни зависимого подданства, а было лишь однообразное... семейное казачество, в состав которого входили и бессемейные казаки, «серома», как часть отличного по своему личному составу от запорожской общины целого». Элементы социального деления среди черноморцев возникли, по его мнению, значительно позднее. Причиной их появления он считает возвысившуюся роль старшины, которая стала захватывать земли, применять чужой труд и разлагать казачью поземельную общину, обеспечивавшую якобы имущественное и гражданское равенство казачества.Историческая действительность, однако, не имеет ничего общего

с картиной, нарисованной Щербиной. Под знамена Черноморского войска устремились в первую очередь те социальные элементы, которые тяготились порядками, сложившимися на Запорожье после разрушения Сечи.Имущее казачество живо откликнулось на призыв Сидора Белого, Антона Головатого и Захария Чепеги. Та часть бывшей запорожской старшины, которая не была удостоена монарших милостей, с разрушением Сечи потеряла и экономические, и служебные перспективы. Не получив чинов и дворянства, она должна была удовлетвориться, в ущерб своему честолюбию и властолюбию, весьма скромным положением «обывателей» казенных слобод. Ее экономическое положение, как указывалось ранее, было не более радостным. Сгоняемая со своих зимовников в слободы, ограничиваемая, следовательно, в претензиях на землю, она утрачивала важнейший нерв своего экономического благосостояния — запорожскую серому.Конечно, эксплуатация наемного труда продолжалась и в новых условиях, однако тот режим преследования беглых, который был естественным следствием разрушения Сечи, предельно сократил отход работников на территорию «бывшего Запорожья. Потеряны были и те кадры наемников, которые или стали крепостными, или бежали за Дунай. Восстановление Запорожского войска в реформированном виде, приемлемом для правительственных целей, открыло бы старшине блестящие перспективы служебной выслуги и земельных захватов. Последнее позволило бы в неограниченных размерах, по примеру Запорожья, эксплуатировать наемный труд. Богатое и зажиточное казачество, в особенности ту его часть, которая превратилась или превращалась в крепостных крестьян, манила перспектива восстановления положения свободных собственников. Это опять-таки, по обстоятельствам времени, было возможно лишь в рамках казачьей организации. Таким образом, для этого слоя казачества вопрос о восстановлении войска был жизненно важным делом. Тяга в черноморцы усиливалась и тем, что принцип поставки наемников на службу освобождал богачей и от риска жизнью, связанного с военным делом.В черноморцы устремились также бывшие запорожцы, которые вели трудовое хозяйство в казачьих слободах, а после

разрушения Сечи стали крепостными появившихся помещиков или вернулись на Украину к старым господам. Идеалом этого казачества было избавление от крепостнических пут с целью восстановления свободной от барской опеки мелкой или мельчайшей собственности. Этот идеал, впрочем, значительно омрачался той тяжелой повинностью личного отправления казачьей службы, которая во многих случаях приводила к полному хозяйственному разорению.В иное положение ставила себя в рядах нового войска казачья беднота, в особенности неимущая ее часть — сорома. Но речь об этом будет далее.Учреждение Черноморского войска больно задевало интересы той группы помещиков, которая стала владельцем недавнего «лыцарства». Внеся казачью душу в ревизские сказки, эти паны рассматривали правительственные распоряжения о праве беспрепятственного вступления в Черноморское войско бывших запорожцев как сильное хозяйственное потрясение. Удар, нанесенный этим помещикам, был тем более чувствителен, что ресурсы населения в крепостнической империи, необходимые для колонизации степной Украины, были очень малы.Не желая терять даровую рабочую силу, помещики игнорировали распоряжения высших властей, отказываясь отпускать бывших запорожцев в войско. В тон им действовала местная администрация, представленная теми же помещиками. Тщетно черноморские войсковые власти взывали к авторитету правительственных органов и самого «великолепного князя Тавриды», своего шефа. Произвол помещиков и администрации не прекращался в течение всего организационного периода войска. Чтобы принудить своих подданных отказаться от вступления в черноморцы, помещики прибегали к самым жестоким формам морального и физического насилия, к издевательству, побоям, пыткам, грабежу. Когда же казак, уже приписанный к войску, явился домой на побывку, или затем, чтобы взять свою семью и имущество на новое место, ярость владельца удваивалась. Легко можно представить себе силу «справедливого» негодования тех помещиков, подданные которых, поставив за себя казаков и получив казачий билет, возвращались домой и тотчас же заявляли претензию на полную хозяйственную самостоятельность и на

исключение из вотчинной юрисдикции. Многочисленные тяжбы, возникшие в связи с этим, заполняют добрую часть архива первых лет существования Черноморского войска. Они же дают интересный экономический материал, позволяющий судить о социальном положении отдельных групп казачества.Вот самые обычные жалобы казаков на произвол и месть помещиков. Казаки Полежченко и Мищенко 11 апреля 1793 г. подали в Кош жалобу на помещика с. Вузовки, Алексопольского уезда, Шахматова. Когда казаки явились с паспортами от Коша домой, чтобы забрать свои семьи и имущество и переправить в Слободзею, помещик подверг их насилию: на две недели посадил «в железы», отнял у Полежченко паспорт, а у Мищенко имущество на сумму 265 руб. и в течение двух последующих лет угнетал их семьи непосильными работами. Однажды эти казаки были отправлены, по распоряжению помещика, в подставу на почту в г. Дубоссары. Там они попали под начальство заседателя поручика Середы и стали объектом новых истязаний. Глумясь над черноморцами, Середа отрезал у Полежченко казацкую чуприну, а затем привязал его в холодную погоду в одной рубахе к колесу и безжалостно избивал плетью. Группа казаков Поповичевского куреня в своем прошении изложила следующий случай. Вернувшись из похода домой, в слободу помещика Константиноградского уезда П.Г. Янковского, они добились через Екатеринославское наместническое правление исключения своих семей из ревизской сказки. Затем, считая себя вольными, арендовали у соседнего помещика Левченко землю. Янковский решил насильно вернуть их к себе и с группой наемников совершил наезд. Но за арендаторов вступился Левченко, и Янковский вынужден был вернуться ни с чем. Улучив момент, когда казаки поехали на ярмарку, Янковский настиг их уже в сопровождении местного заседателя и под конвоем привел к себе в слободу. Здесь он приступил к настоящим пыткам. Пойманных привязали к столбам и, глумясь над ними, вырывали усы и чуприны.На попытки представителей Коша, вербовщиков, обеспечить бывшим запорожцам право вступать в черноморцы, помещики и администрация отвечали бойкотом. Старшина Яновский жаловался Головатому в рапорте от 26 апреля 1789 т. на то, что он был

задержан с группой навербованных черноморцев заседателем Новомосковского нижнего земского суда прапорщиком Линевым. Заседатель отобрал у Яновского саблю, посадил в повозку и приказал под караулом отправить в Кодак, а к казакам обратился с такими словами: «Видите, что над Яновским сделано, то будет самое и вам, если войдете в черноморцы».С огромным трудом бывшие запорожцы осуществляли свое право подлежать исключительно юрисдикции казачьих властей. Единственным выходом из создавшегося положения было переселение на казачью территорию (между Бугом и Днестром). Вот почему еще в ходе войны часть казаков переходит на освобожденную землю — в Очаковскую область, за Буг.Общий имущественный ценз богатых и зажиточных запорожцев частично показан нами раньше. Если, весьма условно, конечно, ценность хозяйства зажиточного запорожца определить суммой около тысячи рублей, а богатого свыше тысячи, то типичными будут такие примеры. Казак Чапля в своем прошении на имя Коша от 30 марта 1792 г. писал: «До сего я находился в воинской службе в прежнем войске запорожском до разрушения Сечи казаком, а после оставался на жительстве Новомиргородского уезда в государственной слободе Малой Выски, коя ныне отойшла во владение надворному советнику Кудашеву». Здесь Чапля в 1790 г. вступил 6 черноморцы. Когда он вернулся домой, все его имущество, которое он оценивал в 1625 руб., уже было присвоено помещиком. У казака О. Савинского помещик Неймоев отнял в слободе Сулицко-Лиманской, возле р. Чертомлык, имущество на сумму 1362 руб. У Павла Будия помещик князь Барятинский отнял хозяйство, оцененное пострадавшим в 1526 руб. В 1793 г. бывший запорожец Данило Чупруненко двинулся со своим имуществом из слободы Средние Пологи, Переяславского уезда, Киевского наместничества, в Черноморию, на Кубань. По дороге он остановился зимовать в одной из помещичьих слобод Новодонецкого уезда, Екатеринославского наместничества, и был ограблен там приказчиком местного помещика, принуждавшим его записаться в крепостные. В описи, представленной ограбленным, значится три пары волов с возами в 119 руб., одежды (запорожская свита из синего тонкого сукна «з золотым бузументом»,

кафтан из красного тонкого сукна, женские байковые красные юбки, женская заячья шуба, покрытая красным камлотом, шелковые платки и т.д.) на 110 руб., зерна на 10 руб., наличных денег 200 руб. ассигнациями и 400 руб. серебром и червонцами, а всего на сумму 839 руб. У трех бывших запорожцев — «товарищей» Трофима Тарана, Ивана (фамилия неразборчиво) и Ивана Ильенко, проживавших в слободе князя Вяземского в Екатеринославском наместничестве, помещик отобрал: дом с пристройками ценой 30 руб., 10 рабочих волов — 150 руб., 40 коров с телятами — 400 руб., 10 быков-четвертаков — 80 руб., подростков (назимков) несколько штук— 100 руб., кобылу с жеребенком —15 руб., 30 ульев с пчелами —60 руб., 10 свиней —80 руб., плуг со всей упряжью — восемь руб., всего на сумму 923 руб. Кроме того, осталась неоцененной одна пара волов, «взятых управителем в общество». У бывшего запорожца Павла Малого помещик отнял две хаты ценою 30 руб., две будки — 50 руб., поветь для загона скота — 40 руб., пять кобыл — 50 руб., 26 волов — 390 руб., 34 коровы — 340 руб., 60 быков и телок — 600 руб., 300 овец-450 руб., 15 свиней, цена которым не указана, и другое, всего на сумму 1970 руб.Разумеется, такое представление о социальном составе черноморского казачества ничего общего не имеет с сентиментальной характеристикой казачества, которую дал А. Скальковский. По его словам, в этот период казаки не имели «другого крова... кроме достославной сени знамен российских».Если размер имущества среднего казака мы условно определим суммой от 50 до нескольких сот рублей, то типичными можно считать следующие примеры. У бывшего запорожца Антона Белуги приказчик князя Вяземского И. Вологин в слободе Рыбальчьей отнял две пары волов ценою 46 руб., две коровы с теленком — 17 руб., 18 коз— 18 руб., 59 копен сена— 11 руб., плуг — 5 руб., курительного табаку на 25 руб., всего на сумму 122 руб. У бывшего запорожца И. Панасенко помещик генерал-майор Синельников отнял в слободе, «состоящей при порогах», пару волов с возом ценою 50 руб., корову с двумя телятами —24 руб., телку—шесть руб., домашний скарб— 12 руб. и посев в две четверти ржи— 14 руб.» а всего на сумму 106 руб. У бывшего запорожца Ивана Примака, жившего в слободе

Криничеватой, Елизаветградского уезда, помещик Харитонов отнял пару волов ценою 35 руб., четыре коровы с телятами — 40 руб. и быка— 10 руб., всего на сумму 85 руб. Кроме того, был отнят посев ржи на два дня, пшеницы на два дня, ячменя на один день, овса на один день и проса на два дня.Помещик слободы Климовской, Екатеринославского уезда, войсковой товарищ Климовский отнял у бывшего запорожца Антона Запеки две коровы с телятами ценою 24 руб., три телки по четвертому году —30 руб., яловую корову —13 руб., пару волов —27 руб., пару бычков— 15 руб. и 30 овец — 45 руб., в общем на сумму 154 руб. Кроме того, был отнят посев озимой ржи на два дня, яровой ржи на один день, пшеницы на два дня, ячменя на один день и проса на один день. У казака С. Терещенко помещик слободы Мигий, Новомосковского уезда, генерал-аншеф Текелий отнял имущество на сумму 140 руб. и т.д. и т.п.В списке 31 семьи бывших запорожцев, живших в Алексопольском уезде и затем вступивших в Черноморское войско, перечислено имущество, не отнятое помещиками, а находящееся во владении казаков. Так, И. Черный готовился двинуться за Буг на одной пароволовой повозке и одной конной, имея 10 голов крупного рогатого скота и 70 овец. Казак Федор Строц записал четыре пароволовых повозки, одну пароконную, 41 голову крупного рогатого скота и 60 овец. Федор Браславец имел пять пароволовых повозок, одну четвероволовую, одну пароконную, семь голов крупного рогатого скота, 123 овцы и т.д.Бывшие запорожцы Иван Вшивый и Гордей Виноград, жившие не в помещичьей слободе, а в г. Новом Кодаке, после разрушения Сечи вступили в черноморцы. Вшивый имел две пары волов стоимостью 60 руб., пять коров с телятами — 60 руб., кобылу— восемь руб. и посев на 95 руб. (ржи на три дня, что составляет 20 копен, а в зерне 20 четвертей, считая стоимость четверти четыре рубля, рожь оценена в 80 руб.; и проса на один день, что составляет пять копен, или пять четвертей в зерне, считая четверть по три рубля, просо оценено в 15 руб.), а всего на сумму 233 руб.6. Виноград имел пять пар волов стоимостью 125 руб., семь коров с телятами — 70 руб., два быка по третьему году — 13 руб., 10 телок — 80 руб. и посев в 453 руб., всего на сумму 536 руб.Бывший запорожец Кондрат Таран

из слободы Грушевки, при надлежащей князю Вяземскому, просил вернуть ему имущество, полностью отобранное помещиком. Этот пример также дает наглядное представление о размере запорожского зимовника среднего типа. Таран, по его словам, имел «зимовник с строением в пятьдесят рублей», а также три пары волов с возом ценою 135 руб., шесть волов с телятами — 60 руб., три быка — 20 руб., две телки — 10 руб., рыболовный невод с принадлежностями — 40 руб. и восемь пней пчел — 20 руб., всего на сумму 335 руб. К сожалению, в хозяйстве Тарана не помечен посев, который, можно не сомневаться, был не меньше, чем у других средних по имущественному положению казаков.В черноморцы стремилась бывшая запорожская беднота, владевшая крохотным хозяйством. Так, в списке бывших запорожцев, живших в Алексопольском уезде, числится казак Петр Кошляченко. Он имел девять человек семьи, а все его имущество состояло из одной пароволовой повозки с домашним, надо полагать, скарбом. Многие из семейных казаков вовсе не имели хозяйства. В этом списке сделан ряд весьма выразительных записей. Против семьи казака Никиты Телички, состоящей из четырех человек, помечено: «Остались на прежнем жилище (в местечке Маячки — В.Г.) по крайнему своему убожеству». Против имени Ивана Говтвы значится: «За умертвием прописанного Ивана и по крайнему убожеству жены его Ефросиньи... остались на прежнем жилище (в местечке Гупаловке — В.Г.)». У бывшего запорожца Якова Заставы из слободы Коротюки, Елизаветградского уезда, помещик Перелелека отнял три коровы с телятами ценою 36 руб., четыре головы молодого рогатого скота— 16 руб., а также посев в 572 четвертей зерна. Бывший запорожец С. Найда, живший в слободе Камыше-ватке, Екатеринославского уезда, у помещика Пишмича, был ограблен своим помещиком на сумму 56 руб. 90 коп. Пишмич забрал у Найды хату, повозку и домашний скарб. Достоверность данных о захваченном имуществе, вносившемся в жалобы, не подлежит сомнению. Казачье начальство строго предупреждало о необходимости давать правильные сведения. В распоряжении Коша от 13 августа 1788 г. объявлялось: «Если у кого явится излишество претензий, таковой лишается и собственного иску».Четвертой

группой, и притом довольно многочисленной, вступившей в войско, была запорожская серома. Она тянулась со всех сторон: из пределов бывшего Запорожья, с рыболовных промыслов Азовского побережья, с Волги, с Правобережной и Левобережной Украины, с Дуная. Здесь мы встречаем как несемейных, так и семейных казаков. Правовое положение их было различно. Тут мы находим запорожцев, попавших в число крепостных и спешивших избавиться от власти помещиков, бездомный люд, продолжавший работу по найму в казенных и даже помещичьих слободах, бурлаков, работавших, по преимуществу, на рыболовных промыслах, и старавшихся избежать записи в ревизские сказки. За казаками тянулись, разумеется, и их семьи.Возможность осуществить право вступления в черноморцы для запорожской серомы была далеко не легкой. Неимущий люд, связанный необходимостью поденно и на срок продавать свою рабочую силу, не мог по своему желанию прекратить работу и отправиться в войско. Выше уже приведен отзыв вербовщика капитана Велегуры от 16 мая 1783 г. о запорожской сероме, работавшей по договору на рыболовных промыслах Приазовья и обещавшей явиться в войско лишь после истечения срока найма.Военная необходимость побуждала правительство всячески ускорить формирование войска. В отношении серомы Кош становится даже на путь принуждения. Тот же Велегура предлагал снестись с Мариупольским нижним земским судом и заставить его прекратить выдачу бывшим запорожцам билетов для отхода на заработки, чтобы тем самым принудить их немедленно вступать в войско.Среди бурлаков, бывших запорожцев и их детей, было, разумеется, большое количество беглых из разных местностей России. Правительственные власти под влиянием той же военной необходимости стремились и эту массу привлечь в войско. Черноморец Ефим Степаненко на допросе в 1796 г. показывал, что он — крепостной помещика Славянского уезда, Екатеринославского наместничества, Таранова. Уйдя на заработки, Степаненко служил в г. Черкасске у разных людей, а потом работал на азовских рыболовных промыслах. Оттуда он в 1792 г. ушел в черноморцы и был зачислен в Деревянковский курень. Войсковое правительство в связи с этим делом

сослалось на распоряжение Потемкина от 27 мая 1790 г. Последний поручил полковнику Тизенгаузену вербовать в войско бурлаков таманских и еникальских рыбных промыслов: «Как там много на ловлях работников из Малой России и Польши, то и предпишите стараться приглашать их в войско».Заботясь об увеличении войска, власти неизбежно впадали в противоречие. Они то поощряли прием беглых, то настаивали на записи в черноморцы только бывших запорожцев, разных свободных людей и беглых из Польши. Потемкин приказом от 4 сентября 1789 г. распорядился строго наблюдать за тем, чтобы вступающие в войско не были «беглые и принадлежащие армии».Беднота, тянувшаяся в войско, стремилась легализовать свое положение. В огромном количестве случаев речь шла не об отправлении военной службы за собственный счет, а о юридическом причислении к войску, что давало неимущему люду возможность продавать свою рабочую силу богатым и зажиточным черноморцам. Громадная часть таких новопринятых казаков работала по найму в хозяйстве богачей. Как и на Запорожье в свое время, такой казак легко менял самопал и саблю на плуг и пастуший кнут. В первом и во втором случае он выступал в роли продавца рабочей силы, ибо только таким способом мог поддерживать свое существование. Другими словами, вступал ли серомаха в строевую часть, получая жалованье и провиант от войска, поступал ли он в ту же часть в качестве наемника частного лица или работал по найму у него в хозяйстве — во всех случаях перед нами выступает одна и та же социальная категория: неимущий, который продает свою рабочую силу.Как видим, черноморское казачество с самого начала своего существования состояло из разных, противоположных по своим интересам, социальных групп. Благосостояние его верхов основывалось на эксплуатации и угнетении низов.

Автор: Голобуцкий В.А.